

Наверное, из всех родов войск, действовавших в Великую Отечественную войну, обделены вниманием журналистов воздушно-десантные. Да оно и понятно, негромкая им выпадала роль в военных операциях. Парашютистов главным образом готовили для совершения террористических актов небольшими группами в тылу врага, бросали туда, где требовалось закрыть брешь, расширить прорыв. И воины ВДВ наравне с другими выполняли важные боевые задачи. Накануне Дня Победы наш корреспондент встретился с одним из десантников-котлашан Бориславом Николаевичем Бурковым.

Родился он в 1925 году в деревне Труфаново Ревяжского сельсовета. Учился в Удимской неполной средней школе. К началу войны закончил семь классов. Очень хотелось продолжить учебу, но трудно жилось

эшелонам новобранцев для Каспийской военной флотилии. Но стать моряком Буркову не довелось. Состав остановили на полпути. Бойцов завернули в подмосковный город Раменское, где формирова-

выми к выполнению задания. Однажды команда поступила. Уже упаковали боеприпасы, проверили парашюты, снаряжение, ждали распоряжения садиться в самолеты, но пришел приказ — десантирование отменили.

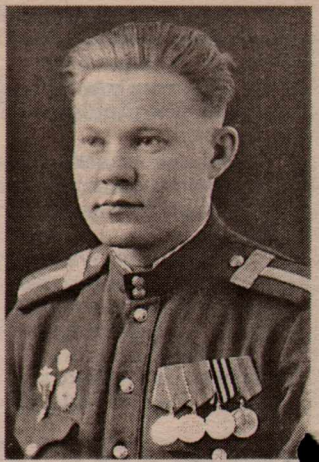
До 1944 года их 4-ю воздушную бригаду держали в резерве Ставки Верховного Главнокомандующего, а в декабре переформировали в 106-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию 38-го корпуса ВДВ. И ее личный состав включился в боевые действия. Вот когда довелось Буркову вести огонь по настоя-

парашютом. Когда подошло время увольняться, предложили остаться. И до декабря 1953 года проходил сверхсрочную службу. Окончил девять классов вечерней школы при Доме офицеров. Перевели в штаб дивизии, уговаривали поступать в военное училище. Но к тому времени обзавелся семьей (из очередного отпуска привез жену). Жилья не было, уволился в запас и приехал в Котлас.

Брали его в политотдел управления Печорской железной дороги. Но пока оформляли документы, вызвали однажды в горком КПСС, и тогдашний секре-

избирательную комиссию. В горкоме партии на Буркова обратили внимание, взяли инструктором в организационный отдел.

Шесть лет там многое дали: научили ответственности, разбираться в людях, находить к ним подход. Когда возникла надобность заменить заведующего городским торговым отделом, рекомендованный работник (подобрать кандидатуру поручили Бориславу Николаевичу) наотрез отказался. Уходить с хорошо оплачиваемой работы на ставку в 88 рублей не захотел. Должность предложили занять Буркову.

Таким Бурков вернулся с военной службы.

Ориентиры десантника Буркова

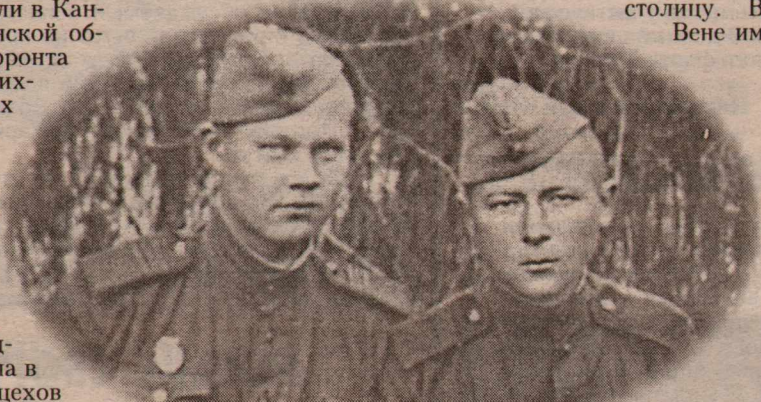
сельчанам. Чем могли помочь работавшие в колхозе отец и мать? Пошел в ремесленное училище в Лименде — там и питание, и обмундирование.

В 1942 году среди многих выпускников училища получил аттестат с отличием и пятый разряд токаря. Направили в Кандакшшу Мурманской области. Линия фронта проходила в каких-то 16 километрах от города. Фашистская авиация делала по 10–12 налетов. Особенно доставалось военному заводу, куда попал Бурков. Гибли люди, не осталось ни одного целого стекла в рамах, корпуса цехов во многих местах повреждены. А им, рабочим, приходилось стоять по 12 часов у станков при любой погоде. Голодали. Жил в общежитии, родственников не было. Вдобавок в феврале 43-го потерял продовольственные карточки, а может, украли. Их не восстановили. И больше недели обходился скудным обедом, который подавали в столовой. Чувствовал, что долго так не протянет. Пошел в военкомат: «Пошлите на фронт, все лучше, чем помирать без пользы».

Несколько раз парень ходил сюда. Но куда его, 17-летнего, на войну? К тому же специалистов таких высоких разрядов, как у него, в действующую армию не брали — бронь. А тут военком сдался. Зачислили добровольцем. И через сутки отправили с

ли запасной полк ВДВ. Рослый и жилистый, Бурков попал в роту противотанковых ружей, первым номером. С этим оружием он всю войну и не расставался. Готовили основательно. Кроме прыжков в любое время дня и ночи,

видеть, как горят немецкие танки и самоходки. И как пригодилась выучка! Десантники участвовали в боях у озера Балатон в Венгрии, в штурме Будапешта, за что заслужили благодарности Сталина, брали австрийскую столицу. В Вене им

Борислав Бурков со своим другом Константином Ваншенкиным. Будапешт, 1945 год.

стрельбы, раза два в неделю марш-броски на 50 километров при полной боевой выкладке. И без того нагрузка, да еще тому, кто слабее, помогать надо. Десантникам без взаимовыручки нельзя. Ведь их готовили для войны в тылу врага. А там раненого не оставишь. Это немцы, отметил Борислав Николаевич, как в фильме «А зори здесь тихие», их пристреливали. У нас идеология другая: товарища ни при каких условиях не бросать.

Слабых телом и духом в десанте не держали. Отсеивали безжалостно. Оставались смелые, выносливые. Тяжелой оказалась та военная учеба. В любой момент должны быть гото-

объявили недельный отдых. Однако через три дня бросили в Чехословакию. Здесь, в городе Писек на берегу реки Влтавы, застала Победа, встретились с американскими частями. Отсюда совершили 800-километровый марш до Будапешта. Семь месяцев находились в Венгрии.

В январе 1946-го отправили в город Тейково Ивановской области, где Бурков был командиром отделения, инструктором-укладчиком парашютов. А когда полк расформировали, он со своей 106-й дивизией оказался в Туле. Потом она снова поменяла место дислокации — на Рязань. За время службы Борислав Николаевич совершил 70 тренировочных прыжков с

тарь Терлецкий заявил: «У железнодорожников и без того коммунистов полно. Направим тебя на базу «Главбакалея» заместителем директора».

Привыкший за 10 лет службы к дисциплине, Бурков воспринял назначение как приказ. Чтобы лучше разбираться в порученном деле, решил учиться. Распустил, что институт ему, человеку семейному, с двумя детьми, не потянуть, а вот торговый техникум — как раз. Окончил его с красным дипломом.

Рос не только как специалист. Коммунисты избрали заместителем секретаря первички (тогда партийцы «Бакалея» и «Потребсоюз») стояли на учете в одной организации, а на очередных выборах ввели в окружную

Терять ему было нечего — зарплата практически одинаковая.

22 года на этом посту. И здесь ему, коммунисту, упрекнуть себя не в чем. Работал добросовестно, жил по совести. Кроме непростых обязанностей, тащил немалый воз общественных: девять раз избирали депутатом горсовета, пять — членом горкома КПСС, двадцать лет был внештатным начальником службы торговли и питания Штаба гражданской обороны, два года — неосвобожденным председателем горкома профсоюза работников торговли. И все это отнимало времени больше, чем основная работа, а делать ее приходилось в основном в личное время.

К наградам за войну (орден Отечественной войны, медали «За взятие Вены» и другие) прибавились и за мирный труд — орден «Знак Почета», юбилейная Ленинская медаль, звание отличника советской торговли. Ну а грамот разного достоинства и вовсе не счесть.

На этом вроде бы можно поставить точку. Но рассказ о Бориславе Николаевиче Буркове будет неполным, если обойти еще одну грань его жизни. «Я бы не хотел, чтобы материал был только об мне, — сказал он в беседе. — Главное, что помогало во всех обстоятельствах, — фронтовая дружба».

Пожалуй, в этом плане Бурков — очень счастливый человек. На войне он встретился и подружился с будущим поэтом-песенником Константином Ваншенкиным. После возвращения из Венгрии на Родину судьба разбросала их. На

какое-то время потеряли друг друга из виду. В 1959 году Борислав Николаевич, возвращаясь с партийных курсов, купил на промежуточной станции журнал «Юность». А там стихи и фото Ваншенкина. Написал в редакцию, чтобы узнать адрес, и дней через десять от него пришло письмо. Завязалась переписка, начали встречаться. Одно из стихотворений Ваншенкина посвящено Буркову. А уж в домашней библиотеке целый раздел книг поэзии и прозы фронтового друга.

Трепетно относится Борислав Николаевич к каждой Костиной весточке, выходя очередного его сборника, искренне радуется за него, лауреата нескольких премий. С удовольствием прочитал мне строки из его автобиографии. Чувствуется, что нет для него большего удовольствия, чем обращение к книгам друга, возможность рассказать о нем. Но все это совсем не потому, что тот знаменит. Как-то Ваншенкин познакомил Буркова с Марком Бернесом, от встречи с которым Борислав Николаевич поначалу категорически отказывался: «Ну о чем я, провинциальный человек, с ним буду говорить?» Напрасно волновался — со знаменитым киноактером нашли немало тем для разговора. Тот, между прочим, поинтересовался, за что Бурков уважает Ваншенкина. И он ответил, что Костя прежде всего друг, с которым прошел трудными дорогами войны, делил тяготы.

Дорожит наш земляк дружкой не только с известным поэтом, но и с другими однополчанами: Николаем Шибановым, Николаем Агафоновым. Они после войны стали кадровыми военными. Также переписываются, встречались по-семейному.

Баловнем судьбы Борислава Николаевича не назовешь. Деревенский паренек почти не видел детства, по его юности тяжелым катком прокатилась война. Да и потом все, чего достиг, пришло благодаря огромному его трудолюбию. Ну а что было тем стержнем, вокруг которого строилась жизнь? «Мне везло на людей, — говорит Бурков. — На фронте это были боевые друзья, после войны — добрые наставники и товарищи. Общение с каждым оставило свой след, помогало идти по жизни, выбирать верные ориентиры».

Валерий КИСЛЯКОВ.

Как дети диверсанта пленили

Стоял погожий солнечный день. На поле, что расположилось между улицей Ленина и железной дорогой, проходящей около Слободки на Воркуту (сейчас здесь дома железнодорожников), убирали хлеб. Скорее всего, это был 1943-й или 1944 год. Шла война, и мы, голодные дети войны, ждали момента, чтобы собрать колоски и утолить голод.

Вдруг послышался топот сапог по тротуарам на улице Стаханова (теперь проспект Мира). А вслед за нарушившим тишину бегущим военным в районе улицы Карла Маркса — выстрел и крик: «Держите шпиона!» Это кричал милиционер, пытавшийся догнать военного. Он заметно отставал от рослого молодого незнакомца, который легко перемахнул через забор у поля и ринулся в сторону Слободки. Двое убиравших хлеб бросились наперерез убегающему, но были сбиты с ног.

Мы побежали за военным на некотором расстоянии. К нам присоединялось все больше ребятни. А диверсант (буду его называть так, ибо позже, будучи студентом, прочитал, что гитлеровцы имели планы вывести из строя Печорскую железную дорогу) через Слободку, мост через речку Котлашанку и кладбище выскочил к затону. Беглец явно устал. Прикинув, что затон ему не переплыть, да и от нас не избавиться, диверсант остановился и смотрел, как затравленный волк.

А мы, обложив его со всех сторон, стали ждать милиционера. Тот, подбежав, крикнул: «Руки вверх!» Диверсант даже глазом не моргнул. И только после предупреждения, что по нему будет открыт огонь, поднял руки. Милиционер предложил ребятам постарше обыскать военного. И лишь потом повели мы его тем же маршрутом в город.

На подходе к железной дороге навстречу нам спешил еще один милиционер. Из его реплики мы узнали, что в районе старого аэродрома был задержан еще диверсант.

На улице Ленина собралась толпа ребят и женщин. Они начали плевать в лицо врагу и бросать комья глины. Милиционерам с трудом удавалось сдерживать гнев горожан. Так, как сквозь строй, и прошел этот оборотень от улицы Стаханова до улицы Октябрьской, где размещались отделение милиции или отдел КГБ.

Более полувека минуло с тех пор. Возможно, какие-то детали я упустил. Но до сих пор помню, с какой гордостью с братом Виталием рассказывали отцу, дошедшему до Берлина, что и мы участвовали в задержании врага.

Владимир КОНЧЕВСКИЙ, бывший учитель, член правления движения «Северное трехречье».